Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 14—26 DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-02

Гайдаровский форум — 2016

ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОТ КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СТРАНЕ ПРОЖИВАНИЯ, ОТ ПРОЛЕТАРИЕВ К МИГРАНТАМ*

Бранко МИЛАНОВИЧ[a,b]

[a] Профессор Городского университета Нью-Йорка (205 E 42nd Street New York, NY 10017).
[b] Старший научный сотрудник Люксембургского центра изучения доходов (Maison des Sciences Humaines 5e étage 11, porte des Sciences L-4366 Esch-Belval, Luxembourg). E-mail: branko_mi@yahoo.com

Аннотация

Неравенство между гражданами мира в XIX веке как минимум наполовину могло быть объяснено разницей в доходах между рабочими и владельцами капитала в той или иной стране. Реальный доход рабочих в большинстве стран находился примерно на одном и том же низком уровне. Именно это послужило основой для повсеместного признания марксизма. Спустя более 150 лет, в начале XXI века, ситуация кардинально изменилась: свыше 80% глобальной разницы в доходах обусловлено значительным разрывом между средним уровнем доходов в разных странах, а заработная плата неквалифицированных рабочих в богатых и бедных странах нередко различается на порядок. Этим обусловлена новая глобальная политическая проблема миграции, поскольку разница в доходах между странами делает миграцию крайне выгодной для отдельного человека. Главной проблемой ближайшего будущего станет поиск ответа на этот новый вызов — при условии признания миграции одним из наиболее действенных инструментов снижения глобальной бедности и неравенства.

Ключевые слова: глобальное неравенство, классовое неравенство, глобальная бедность, международная миграция.
JEL: B14, F22, F60, I32.

1. Глобальное неравенство в середине XIX века

Весной 1848 года, когда панъевропейская революция приближалась к своей кульминации, Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали, пожалуй, самый известный политический памфлет в истории — «Манифест коммунистической партии». Говоря о ситуации в мире, они вновь и вновь решительно настаивали на том, что люди во всех «цивилизованных» обществах делятся на два больших класса: класс собственников средств производства (капиталисты) и класс людей, продающих свой труд, чтобы заработать на жизнь, и не имеющих собственности (пролетарии). На уровне каждой отдельной страны это было практически самоочевидное разделение. Наличие капитала подразумевало, что человек богат; если же у человека не было ничего, кроме собст-

* Статья послужила основой для открытой лекции профессора Бранко Милановича «Последние тенденции в распределении глобального дохода и их политические последствия», прочитанной 13 января 2016 года на Гайдаровском форуме. Публикуется с незначительными сокращениями. Английская версия опубликована в журнале Global Policy. 2012. Vol. 3. No 2. P. 125—134.

венного труда, то он был беден. Мало кто находился между этими двумя полюсами, имея средний уровень доходов, — будь то люди, владеющие некоторым капиталом, но вынужденные работать своими руками (например, ремесленники), или крестьяне, возделывавшие собственную землю. Более того, даже эти группы — по неумолимой логике капиталистического развития — были обречены на вытеснение и исчезновение, поскольку рано или поздно неизбежно «растворились» бы в пролетариате и лишь отдельным их представителям удалось бы перейти в класс капиталистов. Разумеется, такое деление на два или три основных класса (третьим классом были землевладельцы, которых, по мнению Маркса и Энгельса, можно было отнести к капиталистам) было введено не Марксом и не Энгельсом. Оно с давних пор присутствовало в современной политической экономии, восходя к Адаму Смиту и даже к Франсуа Кенэ. Дэвид Рикардо в своих «Началах политической экономии и налогообложения», опубликованных в 1817 году, использовал его в качестве ключевой характеристики, обусловливающей весь его экономический анализ.

Классовое деление во всех обществах казалось настолько очевидным, что Маркс и Энгельс завершили свой манифест следующим высказыванием: «Современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер»[1] [Marx, Engels, 1978]. Таким образом, по их мнению, состояние пролетария было одинаково во всех частях света и, будучи глобальным явлением, представляло собой идеальную основу для формирования международной солидарности рабочего класса. Пролетарии были повсюду одинаково бедными и эксплуатируемыми, и они могли освободиться и положить начало бесклассовому обществу только общими усилиями, не признающими национальных границ. Это было выражено в известной фразе Маркса и Энгельса: «Пролетариям нечего ...терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»[2] [Marx, Engels, 1978]. Таким образом, локальная эмансипация и международная солидарность сплетались воедино в рамках одной и той же борьбы.

Аналогичный взгляд на рабочих, у которых нет настоящей родины, поскольку они везде одинаково бедны и бессильны, был выражен годом ранее в речи, произнесенной Марксом на Брюссельском конгрессе по вопросу свободы торговли. Согласно изложению Энгельса, Маркс выдвинул в качестве обоснования их общей позиции в поддержку свободной торговли следующий довод: «При свободе торговли рабочий класс испытает на себе всю суровость законов политической экономии. Значит ли это, что мы против свободы торговли? Нет, мы стоим за свободу торговли — потому, что с введением ее все экономические зако-

[1] Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Главное изд-во политической литературы, 1955. С. 434.

[2] Цит. по: Там же. С. 459.

ны, с их самыми поразительными противоречиями, будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира, и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая, в свою очередь, завершится освобождением пролетариата»[3] [Marx, Engels, 1978].

Маркс полагал, что если позволить капиталистическим правилам игры охватить еще большую часть планеты, то результатом господства капитализма станет схожесть экономических условий рабочих. Это, в свою очередь, приведет к общности экономических интересов и к солидарности рабочих разных стран. Кульминацией этого процесса в конце концов станет мировая революция.

Но имела ли место в то время эта схожесть экономических условий рабочих? Правильно ли Маркс и Энгельс описывали реальность своей эпохи? Сегодня у нас имеется о ней больше данных, чем было у них в то время, и их выводы подтверждаются тем, что нам известно сегодня как в отношении повсеместного разрыва между двумя основными классами, так и в отношении схожести экономического положения трудящихся и — шире — бедняков в разных странах.

Рассмотрим структуру доходов нескольких стран, по которым у нас есть данные за середину XIX века. Согласно социальной таблице по Англии и Уэльсу за 1867 год, составленной Р. Д. Бакстером[4], доходы классов, получавших заработную плату (они составляли 72% населения и были поделены по уровню доходов на восемь подгрупп), начинались на нижней границе распределения на уровне, лишь немногим превышавшем уровень полной нищеты, и для этой нижней подгруппы средний душевой доход составлял $^1/_3$ среднего душевого дохода в стране; для самой богатой подгруппы душевой доход был на 10% ниже среднего. Имущие классы (чуть более 6% населения) охватывали верхнюю часть распределения доходов. Соотношение доходов между этими двумя классами составляло более чем 6:1.

Англия была в то время типичной и наиболее развитой капиталистической экономикой. Но у нас также имеются данные по Чили за 1861 год, которые обнаруживают такую же или даже более резкую поляризацию[5]. Доходы трудящихся классов, от самых бедных (женщины-рыбáчки) до самых богатых (сапожники), распределялись в диапазоне от менее $^1/_7$ до $^2/_3$ среднего дохода по стране. Доход выше среднего получали только ремесленники, сочетавшие владение небольшим капиталом с собственным трудом и, возможно, привлекавшие по несколько наемных работников. На верхней границе распределения доходов находились владельцы мануфактур и шахт, доходы которых превышали средний доход в 20—55 раз, а также землевладельцы и крупные торгов-

[3] Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 266—267.

[4] Доступно на сайте Питера Линдерта «Global Price and Income History Group» (http://gpih.ucdavis.edu/).

[5] Данные переписи по роду занятий, обобщенные Хавьером Родригесом Вебером (см.: http://gpih.ucdavis.edu/).

цы, доходы которых превышали среднее значение соответственно в 35 и 9 раз. Эти группы с самыми высокими доходами составляли лишь 2% населения, а трудящиеся классы (включая крестьян) — более 90%.

Но хотя рабочие в большинстве стран (или, возможно, даже во всех странах) заполняли ту часть пирамиды доходов, которая охватывает уровни от прожиточного минимума до чуть ниже среднего, их реальные доходы в разных странах всё же могли бы серьезно различаться в случае существенных различий между средним уровнем дохода по странам. Однако, как мы увидим ниже, в 1850-х годах это было не так. По оценкам Энгаса Мэддисона, примерно в 1850 году средний доход в беднейших странах мира (Цейлон и Китай) составлял около 600 долл. по паритету покупательной способности (ППС) в мировых ценах 1990 года. На самом верху находились Нидерланды и Великобритания, где душевой ВВП был равен 2300 долл. по ППС. Таким образом, соотношение между наибольшими и наименьшими значениями среднего душевого дохода разных стран было менее 4:1. Соответственно, уровень жизни более благополучных рабочих, доходы которых были близки к среднему значению по их стране, не мог различаться более чем в четыре раза. При этом у огромного числа рабочих, уровень доходов которых был ниже среднего значения по соответствующей стране и ближе к прожиточному минимуму, доходы не могли различаться более чем в два раза — а многие из них жили на доходы примерно одинакового уровня, близкого к прожиточному минимуму. Стивен Бродбери и Бишнуприя Гупта [Broadberry, Gupta, 2006. С. 17] показали, что в период с 1800 по 1849 год дневная заработная плата неквалифицированного поденного рабочего в Индии (в то время одной из беднейших стран), выраженная в количестве пшеницы, которую можно было на нее купить, составляла около 30% заработной платы такого же рабочего в Англии.

Таким образом, неявное предположение Маркса и Энгельса о схожести экономических условий жизни рабочих по всему миру имело основание в реальности того времени — и именно из этого Марксом и Энгельсом, а также позднейшими марксистами выводился принцип международной солидарности рабочего класса.

К аналогичному выводу о том, что основная разница в доходах была обусловлена классовыми, а не страновыми различиями, мы можем прийти с несколько иной исходной точки — если рассмотрим глобальное неравенство. В своей новаторской работе Франсуа Бургиньон и Кристиан Моррисон [Bourguignon, Morrisson, 2002] использовали набор вычисленных ими самими и другими авторами оценок распределения доходов для 33 страновых групп, а также собранные Мэддисоном данные о средних доходах для построения общемировых распределений доходов для примерно 20-летних временны́х интервалов за период с 1820 по 1992 год. По их оценке, глобальное неравенство, выраженное коэффициентом Джини, в 1850 году находилось на уровне 53 пунктов и складывалось из двух компонент. Первая компонента — межстрановое

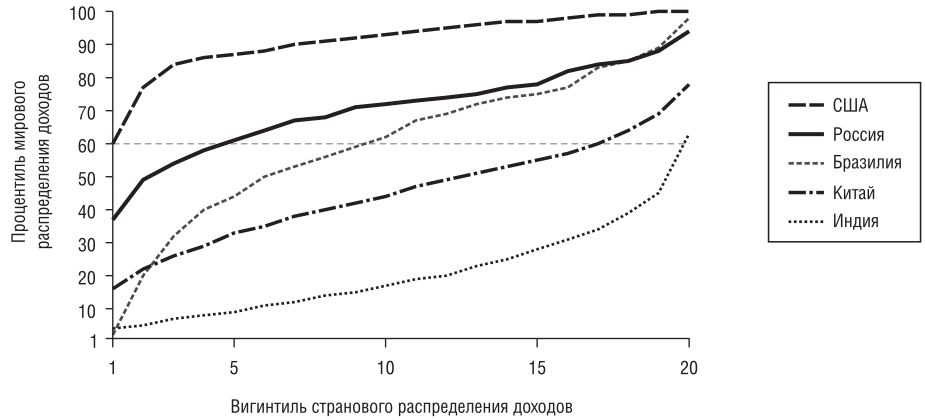
неравенство, или «неравенство, обусловленное страной проживания», — это то неравенство, которое имело бы место, если бы каждый человек имел доход, равный среднему по своей стране, или, иными словами, если бы неравенство внутри каждой страны было равно нулю. Вторая компонента — неравенство внутри страны, или «классовое неравенство», поскольку оно определяется тем, что индивиды, проживающие в одной стране, имеют разные доходы и принадлежат к разным социальным группам. Итак, при некотором упрощении, согласно оценкам Бургиньона и Моррисона, глобальный коэффициент Джини, составлявший в 1850 году 53,2 пункта, может быть разбит на 25,9 пункта (49%), обусловленных страной проживания, и 27,3 пункта (51%), обусловленных классовыми различиями. Таким образом, в середине XIX века примерно половина неравенства между индивидами в мире объяснялась неравномерным развитием стран, а другая половина — разницей в доходах между социальными классами, то есть между рабочими и капиталистами. Как это соотносится с сегодняшней ситуацией?

2. Глобальное неравенство в начале XXI века

Если мы применим аналогичную декомпозицию по стране проживания и классовой принадлежности к текущей ситуации, о которой у нас гораздо больше данных, чем о прошлом, то обнаружим, что в глобальном коэффициенте Джини, составляющем 65,4 пункта, 56,2 пункта (или 85%) обусловлено уровнем среднего дохода разных стран и лишь 9,2 пункта (15%) — «классовыми различиями»[6]. В начале XXI века общее неравенство между гражданами мира не только усилилось по сравнению с показателями более чем 150-летней давности, но и полностью изменилась его структура — из неравенства, примерно в равной пропорции определяемого различиями в классовой принадлежности и стране проживания, оно превратилось в неравенство, определяемое исключительно страной проживания. Этот факт имеет огромную политическую и экономическую значимость.

Рис. 1 дает нам возможность визуализировать эту новую реальность. По горизонтальной оси откладывается население той или иной страны, поделенное на двадцать групп равного размера, называемых вигинтилями и упорядоченных по возрастанию среднего душевого дохода; каждая группа включает 5% населения. Таким образом, значение 1 на горизонтальной оси соответствует беднейшим 5% населения в определенной стране, а значение 20 — богатейшим 5% населения. По вертикальной оси показано место каждого вигинтиля отдельной страны в общемировом процентильном распределении. Высота, со-

[6] Все мировые данные за 2005 год были получены по итогам национальных репрезентативных опросов домохозяйств, проведенных примерно в это время (см. базу данных на сайте http://econ.worldbank.org/projects/inequality). Для обеспечения сопоставимости с предыдущим расчетом для XIX века я использую уровни цен и ППС за 1990 год, а не самый последний вариант расчета ППС (2005).

Примечание: база данных основана на национальных опросах домохозяйств; люди ранжируются по душевому доходу или по душевому потреблению с поправкой на ценовые различия между странами с использованием самых последних показателей ППС.

Источник: расчеты автора с использованием базы данных World Income Distribution (WYD).

Рис. 1. **Влияние страны проживания и классовой принадлежности на неравенство: сравнение США и стран БРИК, 2005 год**

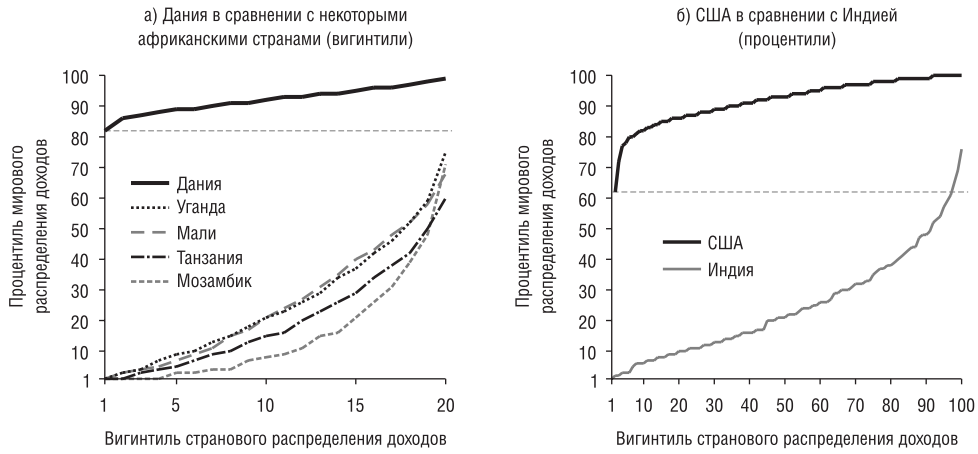
ответствующая, например, нижнему вигинтилю в США, равна 60, и это означает, что беднейшие 5% американцев имеют доход, который помещает их в 60-й процентиль общемирового распределения — иными словами, они находятся в лучшем положении, чем 60% мирового населения. На рис. 1, на примере стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) и США, проиллюстрированы огромные различия в доходах, существующие между странами, в частности между беднейшими вигинтилями населения. С учетом того, что беднейшие американцы находятся в 60-м глобальном процентиле, беднейшие бразильцы и индийцы находятся в 3-м и 4-м глобальных процентилях, то есть принадлежат к числу беднейших на планете. Самые бедные китайцы находятся примерно в 16-м глобальном процентиле, беднейшие россияне — примерно в 37-м процентиле. Еще более поразительные результаты дает сопоставление доходов беднейших групп американцев с богатейшими группами индийцев: второй беднейший вигинтиль американского населения находится примерно на том же уровне доходов (всего на 1 глобальный процентиль ниже), что и богатейшие 5% индийцев. Отметим, что если бы положение на глобальной шкале доходов определялось только классовой принадлежностью, а средние значения по всем странам были одинаковыми, то график для каждой страны был бы представлен прямой линией, идущей под углом 45° к осям.

Этот рисунок можно сделать более или менее эффектным без потери его основной идеи: бóльшая часть глобальных различий в доходе сегодня определяется местоположением. Мы можем сделать рисунок более выразительным, сопоставив доходы людей, живущих в богатой и эгалитарной стране, такой как Дания, с доходами жителей различ-

ных бедных африканских стран (рис. 2а). Беднейший вигинтиль Дании имеет доход, который помещает его в 82-й глобальный процентиль, а во многих африканских странах доход даже в богатейшем вигинтиле едва ли превышает 60-й или 70-й глобальные процентили, что означает, что эти два распределения вообще не имеют общих точек. Иными словами, если мы упорядочим всех индивидов из этих стран в соответствии с душевым доходом, то распределение доходов Дании будет начинаться там, где распределение многих африканских стран уже закончилось. Богатейшие из малийцев беднее беднейших из датчан.

Изображение глобального неравенства, обусловленного страной проживания, можно сделать и менее впечатляющим, если представить его в более детализированной форме, а именно — если на горизонтальной оси вместо вигинтилей использовать процентили национального распределения доходов или даже отдельных людей, упорядоченных индивидуально. Тогда, разумеется, удастся отыскать некоторых малийцев, которые будут богаче некоторых датчан, и два соответствующих распределения в какой-то степени будут перекрывать друг друга. Однако такое пересечение будет в статистическом смысле минимальным: возможно, обнаружится 0,5% или 1%, или даже 2—3% малийцев, которые будут богаче беднейших из датчан, но это никоим образом не отменяет основной идеи, которую призван донести этот рисунок. На деле, если мы сопоставим США и Индию и вместо вигинтилей разделим их население на процентили, то область перекрытия составит всего 4% — именно столько индийцев находятся в лучшем положении по сравнению с беднейшими американцами (рис. 2б).

Разрыв между средними доходами стран сегодня значительно больше, чем в 1850 году. Используя данные Мэддисона для сохранения сопоставимости с результатами 1850 года, мы обнаруживаем, что наибольшие и наименьшие значения среднего дохода в 2007 году

Источник: расчеты автора с использованием базы данных World Income Distribution (WYD).

Рис. 2. **Разрыв в доходах между населением разных стран, начало XXI века**

превышали 100:1 (по сравнению с 4:1 в 1850 году). Хотя беднейшие страны сегодня не богаче беднейших стран в прошлом, богатейшие страны стали существенно богаче. Вместо Великобритании и Нидерландов, которые были богатейшими странами в 1850 году, сегодня у нас есть США, Сингапур и Норвегия, где доход составляет около 30 тыс. долл. по ППС, то есть они в 13 раз богаче Великобритании и Нидерландов в 1850 году в международных ценах 1990 года (мы не рассматриваем некоторые статистические выбросы, такие как небольшие нефтяные экономики и Люксембург, где доходы еще выше). В «лиге» стран с самым низким доходом на душу населения мы видим Конго, Бурунди, Нигер и Центрально-Африканскую Республику — душевые доходы во всех этих странах едва превышают прожиточный минимум и составляют 350—700 долл. по ППС, что не отличается существенно от уровня беднейших стран в 1850 году. Мир сегодня представляет собой удивительную картину: некоторые страны в нем значительно богаче, чем когда-либо в истории, тогда как в других доходы остаются на уровне 150- или даже 500-летней давности. Таким образом, можно говорить о среднемировом доходе в арифметическом смысле, но ни в каком ином.

К таким же выводам мы придем, если сравним реальную заработную плату в богатых и бедных странах. Например, можно рассмотреть номинальную заработную плату после налогообложения для различных профессий, деленную на продовольственный индекс стоимости жизни (реальную заработную плату, выраженную в продовольственных товарах). Эта информация собрана и опубликована Союзом швейцарских банков [Union de Banques Suisses, 2009] для 74 городов и 14 профессий, и ее преимуществом является практически полная сопоставимость.

Для сопоставления можно ограничиться тремя профессиями в порядке увеличения уровня квалификации — строительный рабочий, квалифицированный промышленный рабочий и инженер — и пятью крупнейшими городами двух богатых и трех бедных стран: Лондон и Нью-Йорк (богатые) и Пекин, Дели и Найроби (бедные). Разрыв в уровнях реальной заработной платы является наибольшим в случае неквалифицированных рабочих: для них соотношение этих величин в богатых и бедных странах достигает 11:1. Для квалифицированных промышленных рабочих и инженеров разрыв соответственно составляет 5,8:1 и 3,3:1. Если вспомнить, о чем говорилось выше, то мы увидим, что разрыв в уровне заработной платы неквалифицированных рабочих Великобритании и Индии увеличился с 3,3:1 в 1850 году до 9:1 и более в настоящее время.

Итак, мы обнаруживаем, что самым большим оказывается разрыв между беднейшими членами богатых и бедных обществ — как по доходам, так и по заработной плате. Или, если перефразировать этот вывод в терминах политэкономии, едва ли можно обнаружить общность интересов между бедными неквалифицированными рабочими в богатом и в бедном мире, если обращать внимание только на их

экономические условия. Конечно, эта ситуация значительно отличается от того, что было полтора столетия назад.

3. От «перманентной революции» к «крепости Европа» и «крепости Америка»

Тот факт, что положение беднейших членов разных обществ существенно различается (например, беднейшие 5% американцев с учетом уровня цен зарабатывают в 35 раз больше беднейших замбийцев и в 12 раз больше беднейших малийцев), имеет глобальные политические последствия. Как мы видели выше, вся концепция солидарности рабочих (беднейших людей) основывалась на некоторых объективных посылках, а именно — на схожести их условий существования. Но если эта схожесть исчезла, не испарились ли вслед за ней общность интересов и «классовая солидарность»? Действительно, нелегко найти какие-либо примеры общих интересов между беднейшими классами в богатых странах и беднейшими классами в бедных странах. Их интересы будут скорее конфликтующими.

Вторым возможным следствием мира, где местоположение в значительной степени определяет доход индивида, является то, что такой мир должен испытывать огромное миграционное давление, поскольку люди могут увеличить свой доход в несколько раз, если переедут из места с низким средним доходом в место с высоким средним доходом. Ожидать, что люди не захотят мигрировать, можно было бы только в том случае, если бы знание о разнице в доходах могло быть как-то сокрыто и не было бы всеобщим достоянием. Однако представить себе это в эпоху глобализации, мгновенного обмена информацией и широкого доступа к телевидению, кино и Интернету просто невозможно.

Эти два фактора обусловливают ключевые глобальные политические проблемы. Если в период между головокружительными днями панъевропейской «Весны народов» в 1848 году и, вероятно, второй половиной XX века конфликт между капиталом и трудом был основной политической проблемой, оказавшей влияние на несколько поколений мыслителей, политиков, общественных деятелей и обычных людей, то сегодня это не так, и в глобальном масштабе значимость этой проблемы снизилась, поскольку изменились определяющие ее объективные условия. Это в целом стало очевидно уже в последние десятилетия XIX века, когда появился термин «рабочая аристократия» для описания этого расхождения в условиях жизни среди самих «эксплуатируемых» классов в международном масштабе. Здесь можно вновь процитировать Энгельса, но на этот раз его письмо, написанное через десять лет после «Манифеста коммунистической партии»: «...Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается»[7] [Marx, Engels, 1978].

[7] Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 29. М.: Главное изд-во политической литературы, 1962. С. 293.

Этот несколько уничижительный термин отражал реальный процесс повышения уровня жизни трудящихся классов в наиболее развитых капиталистических странах, или, если угодно, процесс их «обуржуазивания». Данный процесс продолжался и ускорялся, особенно в годы «Славного тридцатилетия» (1946—1975), в период практически непрерывного и повсеместного экономического роста в Западной Европе и США. Во второй половине XX века стало очевидно, что перспектива перманентной революции, то есть всемирной революции, которая привела бы рабочий класс к власти, — перспектива, о которой так страстно говорил Троцкий в 1920-е годы, — абсолютно неправдоподобна. Буржуазии западного мира больше не нужно было бояться пролетарской революции, распространяющейся от одной страны к другой. Призрак коммунизма, в которому настойчиво взывали Маркс и Энгельс в первых строках «Манифеста коммунистической партии», был изгнан.

Новая проблема, которая, по-видимому, станет доминирующей в текущем веке, носит иной характер: речь идет о проблеме неравномерного развития стран и о связанном с этим миграционным давлением со стороны бедных стран. Эта проблема ничуть не менее сложна, чем предыдущая, и связана с аналогичным страхом более богатых людей потерять свои доходы и власть. Она в той же мере порождена влиянием местоположения человека на уровень его доходов, как и прежняя боязнь коммунистической революции была порождена разрывом в доходах между общественными классами внутри одних и тех же обществ.

4. Основная политическая проблема XXI века — повышение уровня жизни мировой бедноты

Призрак коммунизма исчез, поскольку реальный уровень доходов бедных людей, живущих в странах, которые сегодня считаются богатыми или имеющими доход выше среднего, существенно и неуклонно рос. Точно так же проблема миграции исчезнет или станет управляемой — в том смысле, что миграция станет просто результатом предпочтений людей (когда, например, те, кто предпочитает жить в более теплом климате, могут переехать в страну с таким климатом, что сегодня часто делают жители богатых европейских стран), а не проблемой массового исхода, к которому их подталкивают возможности намного повысить свой реальный доход, — только когда существенно сократятся различия в средних доходах между странами. Из этого вытекает, что самым эффективным «решением» проблемы массовой, экономически мотивированной миграции будет ускорение развития беднейших стран мира, а содействие в достижении этой цели посредством увеличения объемов помощи и экономических преимуществ, предоставляемых бедным странам, соответствует собственным разумно понятым интересам богатых стран. Разумный эгоистический интерес должен быть особенно очевиден в случае стран, которые в ходе управления большими потоками мигрантов сталки-

ваются с проблемами как экономического (возможное понижающее давление на заработную плату), так и и социального (сложность адаптации к новому образу жизни или иные системы ценностей, привносимые мигрантами) характера.

Но для того, чтобы развитие бедных регионов планеты, даже если бы оно проходило более успешно, чем в последние 60 лет, привело к повышению среднего дохода до уровня, хотя бы отдаленно напоминающего уровень доходов в богатом мире, потребуется очень много времени. Таким образом, миграция останется ключевым механизмом повышения доходов бедных людей мира. Более быстрое развитие бедных стран и миграция представляют собой два взаимодополняющих и во многом очень схожих механизма. В обоих случаях конечным результатом является повышение дохода бедных. В первом случае оно достигается там, где они живут сейчас, во втором случае для этого им приходится переехать в другое место. Кроме того, данный процесс вряд ли можно назвать новым: в конце XIX — начале XX века миграция имела большее относительное значение, чем сегодня. Не потому, что спрос на миграцию сегодня ниже, а потому, что раньше она была связана с бóльшими затруднениями.

Препятствия на пути миграции ставят перед экономической теорией одну методологическую проблему, сформулированную Эдвином Кеннаном около ста лет назад в его рассуждениях о смитовской «невидимой руке рынка»: если действительно существует естественное совпадение между собственными интересами и общим благом, так почему оно не распространяется на процессы, идущие поверх национальных границ? Довод Смита о «невидимой руке» является общим и не может зависеть от произвольных географических линий, таких как национальные границы. Перемещение людей в пространстве не может не быть выгодным с точки зрения совокупного мирового производства и, как следствие, должно приводить к снижению глобальной бедности, а также (с высокой вероятностью) глобального неравенства. Согласно расчетам Гордона Хансона [Hanson, 2010. С. 22], ежегодный поток мексиканских мигрантов в США увеличивает *общемировой* доход на сумму, равную примерно 1% американского ВВП. Стивен Уолмсли и Л. Алан Уинтерс [Walmsley, Winters, 2005] на основе вычислимой модели общего равновесия установили, что увеличение уровня миграции квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, равное 3% соответствующих трудовых ресурсов развитых стран, обеспечит в несколько раз больший чистый прирост благосостояния, чем нынешняя помощь развивающимся странам. Миграционные ограничения являются, как они утверждают, более дорогостоящими, чем существующие ограничения торговли.

Хотя желательность увеличения объемов помощи и масштабов миграции может быть в принципе признана применительно к миру в целом, это не означает, что они будут выгодны для каждой конкретной страны либо для тех или иных конкретных групп населения каждой страны. С ростом миграции может быть связано снижение

заработной платы или повышение уровня безработицы в тех группах работников, чьи навыки наиболее схожи с навыками мигрантов. Таким образом, даже если для принимающей страны в целом миграция является выгодной, достаточно мощные экономические и политические группы могут иметь возможность заблокировать ее или наложить на нее жесткие ограничения. Однако, если говорить о базовых принципах, мы можем рассматривать каждого человека в мире как одинаково важного или придать больше веса благосостоянию более бедных индивидов ввиду убывающей предельной полезности дохода, но мы логически не можем предпочесть интересы одной определенной группы интересам остальных.

Что еще более важно, рост миграции сталкивается с неэкономическими препятствиями, которые могут быть в общем виде охарактеризованы как принадлежащие к области социального принятия мигрантов и их влияния на местную культуру. Эти проблемы усилились в результате нынешнего экономического кризиса и вследствие неожиданно серьезных трудностей, с которыми столкнулись многие европейские страны в «поглощении» (*absorbing*) мигрантов, в частности мигрантов-мусульман. Так, британский премьер-министр и немецкий канцлер заявили практически друг за другом, что «мультикультуралистская» модель, призванная стать ответом Европы на миграцию, потерпела крах. Кроме того, Ангела Меркель объявила эту модель однозначно «мертвой». Эти проблемы особенно остро стоят перед Европой, поскольку она, ввиду низких показателей рождаемости, нуждается в мигрантах гораздо сильнее, чем США. Кроме того, со стороны своих южных границ Европа окружена странами, демографический профиль которых прямо противоположен европейскому: это страны с очень большой долей молодого населения и относительно небольшим числом пожилых людей. Если бы не влияние главным образом неэкономических причин, демографическое соответствие между двумя берегами Средиземного моря могло бы показаться практически идеальным. Однако Европе, которая как минимум с конца XV века «экспортировала» своих жителей по всем направлениям, сегодня очень трудно осознать себя иммиграционным континентом и принимать мигрантов, прибывающих в основном из регионов, которые прежде были европейскими колониями. По-видимому, с этим разворотом потоков миграции трудно справиться по политическим причинам.

Из того, что (1) бóльшая часть сегодняшнего глобального неравенства доходов обусловлена различиями в средних уровнях дохода между странами; (2) в эпоху глобализации о таких различиях прекрасно известно людям из бедных стран; (3) издержки, связанные с переездом из одного места в другое, не являются запретительно высокими, следует, что миграция, при отсутствии значительного ускорения экономического роста в бедных странах, станет в XXI веке важнейшим механизмом «приспособления». Ее движущей силой будут собственные интересы индивидов, но ее итоговым результатом окажется снижение глобально-

го неравенства и глобальной бедности. Международная помощь и миграция должны рассматриваться как два взаимодополняющих средства достижения этих целей. Политическому руководству развитых стран следует понять, что либо бедные люди станут богаче в своих собственных странах, либо они будут мигрировать в богатые страны.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 14–26

Branco MILANOVIĆ[a,b], professor. E-mail: branko_mi@yahoo.com.

[a] City University of New York (205 E 42nd Street, New York, NY 10017).
[b] LIS Cross-National Data Center (Maison des Sciences Humaines 5e étage 11, porte des Sciences L-4366 Esch-Belval, Luxembourg).

Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants

Abstract

Inequality between world citizens in the mid-19th century was such that at least a half of it could be explained by income differences between workers and capital owners in individual countries. Real income of workers in most countries was similar and low. This was the basis on which Marxism built its universal appeal. More than 150 years later, in the early 21st century, the situation has changed fundamentally: more than 80 per cent of global income differences is due to large gaps in mean incomes between countries, and unskilled workersў wages in rich and poor countries often differ by a factor of 10 to 1. This is the basis on which a new global political issue of migration has emerged because income differences between countries make individual gains from migration large. The key coming issue will be how to deal with this new challenge while acknowledging that migration is probably the most powerful tool for reducing global poverty and inequality.
Key words: global inequality, class inequality, global poverty, international migration.
JEL: B14, F22, F60, I32.

References

1. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: R. C. Tucker (ed.). *The Marx-Engels reader*. 2nd ed. New York: WW Norton, 1978.
2. Maddison A. Contours of the world economy, 1-2030: Essays in macro-economic history. Oxford: Oxford University Press, 2007.
3. Bozhong L., van Zanden L. J. Before the Great divergence: Comparing the Yangtzi Delta and the Netherlands at the beginning of the nineteenth century. *CEPR Discussion Papers*, 2010, no. 8023.
4. Broadberry S., Gupta B. The early modern great divergence: wages, prices and economic development in Europe and Asia, 1500—1800. *Economic History Review*, 2006, vol. LIX, no. 1, pp. 2-31.
5. Bourguignon F., Morrison C. The size distribution of income among world citizens, 1820—1990. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 4, pp. 727-744.
6. *Hanson G. H.* International migration and human rights. *NBER Working Paper*, 2010, no. 16472.
7. Union de Banques Suisses. *Prices and Earnings: A Comparison of Purchasing Power Around the Globe*, 2009.
8. Walmsley T. L., Winters A. L. Relaxing the restrictions on the temporary movement of natural persons: A simulation analysis. *Journal of Economic Integration*, 2005, vol. 20, no. 4, pp. 688-726.